



Антон МОЛЧАНОВ

Родился в 1960 году в Москве, окончил МХТИ им. Д.И.Менделеева. Публицист, журналист, сценарист телевизионных фильмов. Автор полутора десятка книг, преимущественно фантастики, сотен публикаций в периодике и сборниках. С 2004 года - литературный агент Бориса Васильева. С 2007-го - литературный агент братьев Стругацких. Секретарь Союза писателей-Москвы. Живёт в Москве.

«БОЛЬШОЕ ВИДИТСЯ НА РАССТОЯНИИ...»

Беседы с Борисом Васильевым о литературе и не только

Я впервые появился в доме у Бориса Львовича весной 2002 года, то есть мы знали друг друга всего-то 11 лет, а сегодня оглядываешься назад и кажется: знакомы были всю жизнь. Уж такой это был удивительный человек!

А начиналось всё вроде бы по-деловому - от нашего общего друга Леонида Жуховицкого я узнал, что одного из моих с детства любимых писателей крайне редко теперь печатают, да и за эти немногие книги платят оскорбительно низкие гонорары. (С моей точки зрения, оскорбительные; Борис Львович, как выяснилось, воспринимал это всё философски). А я тогда был уже не столько писателем и даже почти не журналистом, а, в первую очередь, сотрудником крупного издательства «Вече», где возглавлял службу по связям с общественностью и прессой. В общем, я элементарно решил помочь живому классику и достойнейшему человеку. И помочь удалось. «Вече» оперативно взялось за переиздания. А в последующие годы вышло вообще много книг - и красивые подарочные издания, и многотомники, и огромные тиражи для школьных библиотек, и новые спектакли ставились в театрах и на радио,

и даже новые фильмы намечались, правда, к сожалению, так и не были запущены в производство, впрочем, гонорары именно за эти неснятые фильмы заплачены были особенно хорошие, так что и здесь грех жаловаться.

Но я не об этом хотел рассказать. А о том, что в процессе своей литагентской работы, продолжающейся и по сей день (так как интерес к книгам Васильева, слава Богу, не иссякает) я стал другом семьи Васильевых. Мы бывали в их гостеприимном загородном доме несчётное число раз. Мы - это не только я и жена Ира, но и все наши многочисленные дети и внуки и даже некоторые друзья, которые, случайно узнавая, с кем мы теперь на короткой ноге, тоже рвались туда, в Солнечногорск, мечтая воспользоваться редким шансом. А моя Ира совершенно по-особенному сдружилась с женой писателя, Зорей Альбертовной, и ездила к ней в гости уже совсем безотносительно к нашим с Борисом Львовичем литературным и окололитературным делам.

Об этих одиннадцати годах можно написать книгу, но, пожалуй, интереснее всего вспомнить нашу первую встречу, когда было лишь тихое восхищение от происходящего и потрясающее чувство причастности к великому.

Тогда я был всё-таки ещё немножко журналистом и потому весьма подробно записал не только свои впечатления, но и все наши беседы, воспользовавшись разрешением включить диктофон. Случалось мне включать его и позже, будучи у Васильева. Так что воспоминания эти можно считать неким монтажом из разговоров разных лет, но представленных как одно целое, потому что мне особенно дорога именно та, первая весенняя встреча.

Проехав Солнечногорск, мы свернули с трассы Москва - Санкт-Петербург на узкую просёлочную дорогу и очень скоро оказались перед воротами основательного каменного дома. Табличка у калитки предупреждала о серьёзной собаке, охраняющей территорию, но раньше, чем эту собаку - большую немецкую овчарку, стерегущую дом, - мы увидели самого хозяина. Он вышел нам навстречу - бодрый, седой, сухопарый, с неизменными своими усами и сигареткой в углу рта. Живой классик. Добродушно улыбнулся и пригласил в дом. По скрипучей деревянной лестнице мы подня-

лись на второй этаж, в кабинет. Здесь тоже всё было основательно, уютно и красиво, овеяно очарованием старины: книги, картины, статуэтки, огромная медвежья шкура посреди комнаты, производящая неизгладимое впечатление на моего четырнадцатилетнего сына Арсения. Из общей ретро-обстановки выламывался компьютер - веление времени, как выяснилось, даже подключенный к Интернету.

И, конечно, нас встретила очень милая жена Бориса Львовича - Зоря Альбертовна, моя Ира осталась с ней - помочь по хозяйству. Однако угощение - позже. Нам сначала хотелось поговорить, и мы остались в мужской компании, если не считать кошки по имени Машка, устроившей себе гнездо в большой картонной коробке. Сели в плетёные кресла, вдвоём закурили - в этой комнате можно, - а мой сын расположился на диване, чуть поодаль, и разговор сразу начался так, будто мы знакомы уже много лет, будто беседовали последний раз совсем недавно, потом нас прервали, мы недоговорили многого и вот теперь продолжаем...

- Борис Львович, - начал я без предисловий, - по поводу кризиса культуры. Что может быть актуальней? Я специально перечитал ещё раз Вашу статью вот под таким названием. Трудно не согласиться - общий кризис налицо. И хотя Вы специально подчёркиваете, что нельзя путать культуру и искусство, я хочу начать именно с искусства, тем более, что и Вам это профессионально ближе. Лично мне кажется, что в этой области серьёзнейший кризис затронул не только нашу страну, но и весь мир. А если брать искусство, неважно в какой стране, и посмотреть что делалось 20-30 лет назад в литературе, живописи, музыке, кино и т.д., и оценить сегодняшние достижения, то сравнение наводит на очень грустные мысли. Нет ли у Вас ощущения, что мы, человечество в целом, интеллектуально и нравственно деградируем?

- Может быть, Вы и правы в чем-то, действительно некоторое снижение общей культуры заметно, но я говорю очень осторожно: может быть. Я бы не стал сравнивать нас с Америкой. Ей всего-то двести лет отроду, и культура у неё приносная, собственная им ещё и не снилась. А то, что есть, - это английская, немецкая, французская, несколько перестроенная на негритянский, мекси-

канский или какой-то иной лад. Там есть отдельные элитные группы, очень сильные, в Бостоне, например. Я пять раз был в Америке, однажды довольно долго, и познакомился с их элитой, не только деловой, но и культурной. Это очень интересные люди, но они малочисленны и, главное, их там не воспринимают. Ведь американцы из всех искусств достигли серьёзных успехов только в кино. Больше нигде не сумели.

- А в литературе?

- В литературе - это не американцы. Начнём с этого, во-первых. Ну, Хемингуэя давайте сразу выключим отсюда.

- А Фолкнер?

- Ну да, есть Фолкнер, есть Твен, есть, конечно, но основополагающая культура Америки - это кино. Ну, вот у нас, например, основополагающий блок искусства - это литература, мы в ней достигли очень больших успехов, мы являемся, точнее, являлись законодателями мод в этом плане, и нас весь мир по той литературной культуре воспринимает, это создаёт наше реноме: Тургенев, Гоголь, Толстой - их все знают, читают. Это - во-первых, а во-вторых, слой, воспринимающий культуру, - это вообще всегда элита. Какова элита, такова и культура, имеется в виду высшая культура, а не массовая. Так вот, беда России в том, что у нас сейчас нет этого слоя, то есть, он существует, но такой, что, глядя на него, иногда хочешь помыться. Дума, правительство. у них же нет ни малейшего представления о том, что такое культура, - так, знают что-то понаслышке. У нас была страшная трагедия в стране. Кошмарная. Нас отбросили назад - в конец 17-го - в начало 18-го века, в лучшем случае. Пушкин ещё не родился. Мы в провале страшном. Америка же ещё не успела свою культуру создать. Давайте лучше посмотрим культуры всех остальных стран. Национальные культуры. Это у нас она не национальная. Мы хватаем всё у всех, телепузиков тех же, а у них - ничего подобного.

Скажем, в Париже для американских фильмов есть два кинотеатра, кто хочет - пожалуйста, иди.

- Но они тоже показывают британских телепузиков.

- Показывают, конечно. Деньги есть деньги. Но принцип подхода иной. И у испанцев, и у итальянцев, а у англичан - ещё строже. Они все гордятся своей культурой, очень поддерживают свою

культуру и вам её преподносят, и вы сразу ощущаете: вот эта культура итальянская, вот эта - французская. Она очень заметна. Ни в одном городе мира женщина не ходит так, как в Париже. Она знает, что ей всякий и всюду уступит дорогу. Как бы ни спешил мужчина и какая бы ни была женщина. Это - французская культура. Я просто пример вам привожу. А упадок существует вполне естественный, он есть, конечно.

Понимаете, в то время, когда Адам бегал с дубиной по лесам, Ева не пряжу пряла, она заботилась о детях, и это ей принадлежит культура, она ее изобрела - как средство обороны от мужа, как табу. Мораль и право прежде всего нужны женщине как слабому полу. Созданием культуры она обезопасила себя от мужа, который, например, мог оказаться неудачником на охоте и слопать вместо добычи собственного малыша. Женщине принадлежат по праву создания и религия, и искусство - это ее область. А мужчина всё время полировал дубину, то есть совершенствовал технологию. Это - цивилизация. Он и сейчас всё тем же занимается. Ничего не изменилось - атомная бомба та же дубина, таков неизбежный путь развития цивилизации: технология на службе у войны. Но следует помнить: цивилизация и культура - это разные вещи. Цивилизация - это быт. А всё, что над бытом, - культура. Сама по себе цивилизация не предполагает создания культуры и не должна её иметь, просто человек раздираем внутренне между цивилизацией и культурой, которая, по сути, кажется излишеством.

- Вот мне и представляется, что развитие современной цивилизации идет по сугубо технологическому пути. Не успеваем следить за бурным развитием техники, а серьезных произведений искусства не возникает, если сравнить с недавним, а тем более давним прошлым - ну, ни в одной области. Всё только тиражируется, клишируется: кино, музыка, литература...

- Нет, я не очень с Вами соглашусь. Знаете, по какой причине? Современникам трудно судить, какова ценность конкретного произведения искусства. Лев Толстой мечтал, чтобы его читали через двадцать лет после его смерти. Ему казалось, что это много, очень много: поколение сменится. Лев Николаевич об этом мечтал! А мы хотим, чтобы прямо здесь, сейчас появлялись гении, и мы их сразу видели. Нет, так не бывает. Сегодня кричат про какого-нибудь

рок-певца, потому что он «раскручен», потому что в него деньги вложены, а про гениев не кричат... Ну, а с другими странами ещё труднее сравнивать, потому что у нас денег в культуру как таковую никто не вкладывает. Ведь это же не даёт мгновенной отдачи, а Морозовых сейчас нет.

- *А в Европе они есть?*

- Есть.

- *Но я что-то не слышал новых имен, сопоставимых с предыдущими поколениями. Или я просто об этом не знаю?*

- Нам с Вами трудно судить. Я прожил достаточно большую жизнь, однако затрудняюсь сказать, кто из моих современников переживет свою эпоху. Вот, казалось бы, я - 1924-го года рождения, почти вся история советской власти - это моя биография. Когда я родился, всё ещё было впереди, и мне казалось, что советская литература была очень неплохой литературой. Она, конечно, обслуживала правящий класс, но всё равно была действительно неплохой. Казалось, столько имён останется в вечности. А кто в итоге? Один Шолохов. Больше никого мы не создали, все остальные были фигурки-то жалкие.

- *Или уехали.*

- Кто уехал?

- *Ну, Набоков.*

- Он уехал очень рано. Вы уже не считайте, что он русский. Вообще эмиграция унесла с собою частичку *той* России, это же не советская Россия, поэтому им общаться с нами невозможно, они воспитаны на других критериях, которые мы просто плохо знаем. Все выработанные веками ценности давились, растаптывались, сжигались. Такие, как Набоков, поэтому и сбегали. Это первое поколение. А позже? Бродский? Да, это бесспорная величина. Но он поэт отнюдь не массовый. Поймите меня правильно, он не для всех, а только для очень рафинированных людей, которых сегодня в России практически не осталось. Их просто единицы. Раньше вот даже на кухне включали воду, чтобы не слышно было, о чём говорят, чтобы соседи не записали. А сейчас нам дали свободу, но тут и выяснилось, что мы оказались к свободе не очень готовы.

- *Коль скоро мы перешли к литературе, давайте посмотрим на примерах, так нагляднее. Гоголь - великий писатель?*

- Безусловно.
- *Переходим к веку двадцатому. Булгаков - явный его последователь.*
- Очень хороший писатель.
- *Но это не Гоголь.*
- Да, конечно.
- *Поехали дальше. Фантасмагории советского периода. Аксёнов.*
- Неплохой писатель.
- *Но мы прекрасно понимаем, что он не Гоголь и даже не Булгаков.*
- Согласен.
- *Наконец, постсоветский период. Пелевин.*

Борис Львович хмыкает. Комментарии излишни.

- *Но, к сожалению, сегодняшние критики полагают, что именно он и есть современный Гоголь. И это уже клиника: исчезло понимание происходящего, сместилась базовая шкала оценок. Весьма серьёзные издания ставят Пелевина в один ряд с классикой. Невольно вздрагиваешь. А ведь я специально беру в пример именно Виктора, он по-настоящему талантлив, самобытен, это же не Маринина и даже не Акунин.*

- Ну да, он не из тех, кто печёт книги, как блины.
- *А, между прочим, Акунин - умнейший и образованнейший человек - прекрасно знает цену тому, что делает. Ему в голову не придёт ставить себя в один ряд с Достоевским и Гоголем.*
- Он просто зарабатывает деньги.
- *И очень грамотно, очень интеллигентно. Лучшие, чем многие. Но это про другое. А если говорить о судьбах Литературы с большой буквы, деградация у нас на лицо. Вы согласны?*

- Отчасти. Вы всё-таки не забывайте, какая тяжёлая судьба была у России. По ней же стадо мамонтов прошло от Бреста до Дальнего Востока. Она ещё хрипит, сипит, ещё дышит, но. Какая уж тут культура, тем более искусство!.. А мы ведь с вами говорим сейчас не о культуре в целом, а только об искусстве. Обратили внимание? То есть мы говорим о зримом. А основы - базовые ос-

новы культуры - мораль и право. Это очень старое определение. Но ведь я человек старый. Как запомнил это, так и повторяю.

- *И всё-таки ближе к литературе. Вот по Франции, например, мамонты не ходили. А где новые имена? Женэ, Мориак, даже Экзюпери - это не Стендаль и не Бальзак.*

- Вот не надо сравнивать! Есть же вершины недостижимые. Стендаль и Бальзак - совершенно недостижимая планка. Как у нас Гоголь и Достоевский. Будущие поколения не смогут до них дотянуться. Никогда. Но это не означает, что искусство и тем более культура в целом угасают. Просто писатель должен описывать современный мир, а не пытаться подражать прошлому.

- *То есть мир сделался принципиально другим?*

- Разумеется, он стал стремительным, некогда вдумываться, анализировать - не успеваешь. Человек инертен сам по себе, а писатель ещё более инертен. Не хочу себя ставить в пример, но придётся. У меня такая профессия - писатель, и ничего я больше не умею делать. Ну, ещё танки умею испытывать. Когда началось вот это наше десятилетнее смутное время, я понял вдруг, что ничего не понимаю. Я не мог угнаться за меняющимся временем. И стал писать исторические романы. Я очень люблю русскую историю и неплохо её знаю, вот и написал их довольно много.

И, в частности, о роде своём написал. Там никакой подделки нет, все герои - мои предки. Так вот, а потом, где-то преодолевая себя, я рискнул написать о современности. Попробовал. «Глухомань». Ну и что? Книга имела какой-то резонанс. Даже были благоприятные отклики. Но доволен ли я сам? Нет. Мне не удалось в той мере, в какой хотелось, отразить даже жизнь Солнечногорска, который я всё-таки неплохо знаю. Мы здесь давно, прижились уже и, когда писал, я видел эту обстановку, вот и назвал «Глухоманью». Объектом выбрана не столица, - значит, местные разборки, местные кланы - всё местное. Конечно, подобным образом можно и всю страну показать, так, например, построены «Братья Карамазовы». Там всё происходит в абсолютно неизвестном заштатном городишке. Но, во-первых, это Достоевский (*улыбка*), а во-вторых, даже здесь в наши дни жизнь чрезмерно стремительна по сравнению со временами Достоевского. В общем, написав роман, я по-

нял, что пока не могу создать ничего современного. И опять влез в историю...

Вот мне очень хочется написать о батьке Махно. Потому что мы оболгали его. А это был достойнейший человек, гражданин мира. Единственный, по существу, честный человек за всю гражданскую войну. Все воевали за власть, а он воевал за крестьян. Единственный честный человек.

- Да, я помню, были в перестройку публикации, в «Литературке», например, своего рода реабилитация Махно. Звучало как откровение, ведь до того никто ничего подобного не говорил.

- К сожалению, этого было совсем мало. А знаете, сколько интересного на самом деле? Махно, например, предлагал деньги отменить. Такой наивный экономист. Договорился с «Трехгоркой» об обмене зерна на мануфактуру. В 20-м году он был у Ленина и Свердлова. Со Свердловым договорился о поставках зерна, а ведь тогда уже голод начинался. Он сумел это продвинуть. Вот настоящая мечта! Он был кропоткинец. Ты мне фунт хлеба - я тебе метр ситца. Всё! Денег не нужно. Деньги растлевают людей. Вот о нём хочется писать. Но боюсь, не успею. Устаю очень.

- А вот в связи с Вашей «Глухоманью» мне вспомнилось суждение одного из умнейших людей двадцатого столетия - Станислава Лема: «Если технический прогресс и дальше пойдет такими темпами, то ещё два-три поколения, и родителям нечему будет учить своих детей». И это 1964-й год! Сегодня-то мир меняется куда быстрее. Всё обесценивается. Уже мы, сорокалетние, начинаем это очень остро ощущать. Мой сын много читал лет пять назад, а сейчас, к 14-ти годам - почти ничего. (Арсений грустно кивает.^ Я в его возрасте с каждым годом читал всё больше и больше...

- Ну, конечно! Запойное чтение.

- А он - всё меньше. Его ровесники - вообще не читают. Пугающая тенденция. Но если спокойно задуматься, вместо книг у них есть телевидение, Интернет - информация просто поступает по-другому.

- Так ведь литература - это же не только информация.

-А им и не нужна литература. Вот недавно посмотрел «Культурную революцию». Швидкой так и назвал выпуск: «Русская литература умерла».

- Знаю эту передачу. Несколько раз смотрел, но быстро надоело.

- И ведь никто не смог доказать, что она жива. Стало только яснее: мы вступили в новую жизнь, настолько новую, что не только вы, довоенное поколение, но и мы уже не способны её понять. И наши с вами попытки нести традиционную культуру в Интернет (я имею ввиду, допустим, сайт «Писатель.ги», где Вы тоже публикуетесь) - они столь же наивны, как стремление конструкторов начала XX века делать автомобиль в виде кареты. Очень скоро Литература станет совсем не нужна Интернету.

- Я думаю, что Вы абсолютно правы. Хотя мое мнение - это мнение человека, вообще принадлежащего XIX столетию, меня обучали люди родом оттуда, по-настоящему близкая мне культура - это конец XIX - начало XX века. Пугает не то, что в Интернете может быть скверно, а то, что человек выпустил книжку из рук. Книжка - это ведь не только содержание, в самой форме ее содержится многое, это же такой кирпичик культуры.

- Может быть, основной.

- Да. Вы её держите в руках, она что-то весит, вы кладёте ее на грудь. Берёте спокойно, вдумчиво. Возвращаетесь к прочитанному, перечитываете то, что было в начале, почему герой сказал именно эти слова, зачем именно так поступил. А Интернет требует стремительного отслеживания информации. Но информация ещё не есть литература. Одной информацией не обойтись, если мы хотим сохранить хотя бы остаток культурного фона России. Я очень путано говорю, но Вы меня, надеюсь, понимаете...

- Да, я понимаю, но хочется поговорить ещё и о путях, способах сохранения культуры. Что мы должны делать? Я ведь тоже причисляю себя к людям, занимающимся литературой профессионально. Может быть, наши традиционные ценности еще не совсем умерли? Может, они ещё кому-то пригодятся в будущем?

- Конечно, пригодятся. Никуда они не денутся. Просто мы должны пройти этот смутный период с минимальными потерями. Я очень боюсь другого - что мы из этого просто не выкарабкаем-

ся. Вы читали когда-нибудь «Кавказ» Дюма-отца? Он провёл там довольно много времени, это был 1859 год, ещё до отмены крепостного права. Дюма просто влюбился в Кавказ, в горцев, в их быт. А он был не только хороший писатель, но и отличный публицист, великолепный, вдумчивый. И вот он написал одну фразу о России, которая меня просто убила: «Однажды это государство рухнет. Оно развалится не как Римская империя на множество других государств, оно развалится на четыре части. Сначала отпадут западные земли со столицей в Варшаве, потом - Юг со столицей в Тбилиси, после - Дальний Восток до Урала. И останется опять одна Московия». Сегодня мы уже потеряли Запад, фактически потеряли Юг - из-за этой идиотской войны в Чечне. Мы рискуем сделать Дюма пророком. Есть все основания.

- Но пока вроде Дальний Восток не очень стремится к выходу из России?

- Ну, если он будет так замерзать каждую зиму. У нас же никто не знает, где он живёт. Ни один чиновник не слышал, что зимой бывают морозы. Иначе отчего они элементарно не могут трубы поменять? Разводят руками и говорят: «Денег нет». Знаете, почему их нет? Потому что все живут одним днем, это очень характерно для нашего времени. Поэтому оно и смутное, а впереди - туман. О какой культуре можно говорить в тумане? Ну, то есть как раз и можно только говорить. А это все прекраснодушие. Ничего серьёзного не будет, пока туман не рассеется.

А ещё могу сказать вот какую вещь. Она спорная. Это не то чтобы моё утверждение, это, скорее, некое предположение. Понимаете, мы - народ пограничный. Россия выбрала себе в истории такое место - между осёдлым и кочевым земледелием, между европейскими народами и тюрками. А пограничник - это профессия, у него и психология другая, согласно приказу пограничник ищет врага, не может жить без врага, пограничник для этого существует. И мы ищем врага повсюду. А когда не находим, мы его придумываем. И эта неизжитая, неизживаемая пограничная психология в современном обществе очень опасна. Смертельно опасна. Это пришло из средних веков. Когда цивилизованные страны открывали америки, мы отгораживались пограничными заставами, и только через сто лет отправили Ермака за Урал. Вот мы когда отста-

ли-то! У нас же отсталое мышление. К несчастью. И это несмотря на все наши достижения. У нас великая наука. И литература у нас прекрасная. Но средний уровень мышления ниже, чем на Западе. И ничего не поделаешь, это данность. Инертность наша больше, чем инертность обывателя Франции, Англии или Испании. Они более гибкие.

Вернёмся к концепции пограничного народа. Поиск врага заставляет нашу науку работать в основном на оружие. И в то время, как Европа объединяется, мы разделяемся и продолжаем искать внутренних врагов. Очевидно, такая психология заложена на генетическом уровне, и это очень печально. Ведь даже если, даст Бог, мы не развалимся, и если Дюма не станет пророком, всё равно мы за ними не успеваем. Слишком велико отставание.

- Так ведь, наверно, и не надо догонять и перегонять. Хрущевский лозунг сегодня уже не актуален. Нужно не в догонялки играть, нужна просто интеграция в общемировую систему.

- Чтобы интегрироваться, тоже надо догнать. Как минимум, принять их ценности.

- Ну а Западная Германия с Восточной? Сначала интегрировались, потом стали догонять.

- У немцев есть орднунг, то есть порядок. У нас ничего этого нет в помине. Вот в чём весь ужас. Немцы потерпели поражение, признали его - и всё, процветающая страна. Они покаялись и спаслись. Мы не покаялись и не можем покаяться, потому что мы пограничники, психология такая.

- Кстати, про Германию. В Вашей статье «Кризис культуры» вы пишете, что гитлеризм не разрушил религию и общественную мораль. Неужели? Пусть всего 12 лет, но такого варварского режима...

- Для самих немцев он не был варварским.

- Ну а как же доносы, подлость, ненависть к иностранцам, к инакомыслящим?

- Я думаю, что наша пресса чуть-чуть всё умножала. И вот с этим коэффициентом мы воспринимаем их историю. Я был в Бонне. Чудный городок, весь в зелени. Министр культуры на приёме сказал мне: «Мы гордимся, что в городе сохранилось еврейское

кладбище. Могу вам его показать, если хотите». Каким образом сохранилось? Не знаю, забыли про него, не трогали...

- *И правда, в Гамбурге я тоже видел старинное еврейское кладбище...*

- Так я там побывал всё-таки, на этом кладбище. Понимаете, немцы в целом вполне спокойно относились к евреям, всю эту чертовщину коммунисты раздули. Фашисты - это одно, немцы - совсем другое.

- *То есть фашизм в Германии не проник во все сферы жизни? Не стал таким всеобъемлющим?*

- Ну, конечно. А вот наши большевики как раз сделали из России совсем другую страну. Советскую страну. И советский «фашизм» страшнее немецкого, значительно страшнее. Вот в чём беда.

- *Наверно, все-таки очень важны и сроки - 12 лет или 75?*

- Безусловно. Но мы и за 12 лет успели дров наломать побольше. Одна коллективизация сколько жизней унесла! А она как раз укладывается в эти сроки. Погубили целый класс. Самый массовый класс, который был фундаментом нашей морали. Основа России, ее древняя культура - всё к чёртовой матери! А что делалось в городах? Я как провинциальный интеллигент хорошо знаю и это. Какие расстрелы были! Как расстреливали русскую интеллигенцию - дворянскую, не дворянскую - это не имело значения. Там не разбирались. Страшное дело. Все просто перевыполняли план.

Наша беседа прервалась на самом интересном месте. Женщины позвали обедать. И я выключил диктофон. За столом характер разговора изменился в лучших традициях серьёзных людей: обсуждались теперь не глобальные вещи, а гастрономические вкусы, достоинства окрестных лесов, последний урожай яблок и грибов. Под чудесную закуску - особенно хорошо под фирменный салат Зори Альбертовны с ананасами и сыром - выпили водочки. Не то чтобы много, но достаточно, чтобы Васильев попросил больше не включать диктофон. «Ну, теперь уж все, - улыбнулся он. - А то, знаете, такого наговорю, что потом самому стыдно будет». Ничего такого он, конечно, не наговорил, наоборот - было ещё очень мно-

го интересных воспоминаний о войне и неожиданных для меня суждений о самых разных вещах. Например, особое мнение о том, что никакого ордынского ига на Руси не было - было нормальное экономическое и военное сотрудничество двух разных цивилизаций. И резко отрицательное мнение о ниспровергателе всей истории человечества математике Фоменко. И резко положительное мнение о ниспровергателе советской истории Викторе Суворове, авторе нашумевшего «Ледокола».



У Васильевых в Солнечногорске (9 мая 2004)

А уже за чаем сын решился задать Борису Львовичу свой вопрос: «Что Вы думаете о скинхедах?». «А я о них не думаю, - ответил Васильев, - это теперь ваши проблемы». Потом добавил: «Вообще-то грустно всё. Россия сегодня очень напоминает Германию времён Веймарской республики: проигранная война, эконо-

мический спад, слабая власть, вылазки экстремистов. Продолжение известно. Так что думайте, ребятки, как дальше жить. Думайте».

И мы уезжали, думая о том, что наша пограничная психология должна, наконец, сыграть свою положительную роль. Настало время всерьёз защищать границы своей культуры, быть может, от самого опасного врага - от наших собственных заблуждений и предрассудков, от самих себя, застрявших между прошлым и будущим.

О, как много раз ещё я покидал эту настоящую Ясную Поляну двадцать первого века, получив чёткий ответ на давно мучивший вопрос или - наоборот - впервые задав себе такие вопросы, о которых и не догадывался раньше. И, утопая колёсами в распутице, или скрипя по морозному снегу, или выгоняя из салона автомобиля налетевших туда июньских комаров, я почти всякий раз заново переживал восторг той первой встречи: как здорово, что я могу встречаться и разговаривать с Борисом Васильевым!.. Впрочем, приукрашиваю, конечно, - далеко не всякий раз так было, многие наши встречи наполнены были лишь деловитой суетой да короткими вежливыми фразами, в лучшем случае, обменом мнениями о последних новостях. Не говоря уже о том, что в последние годы Борис Львович серьёзно болел, начал уставать и от работы, и от людей и далеко не всегда вообще склонен был к разговорам. Но не будем о грустном. Он был и остаётся в нашей литературе и в нашей истории. Он был в нашей жизни. Он был в моей жизни. И это счастье. Смысл которого по-настоящему понимаешь лишь теперь, когда не стало живого классика.